

— Доброе сердце... — Лу Чанхуа вдруг расхохотался. — Ха-ха-ха! Ты думаешь, он сделал это из доброты?

— А иначе как? По крайней мере, детей он не продавал, — Гао Юйшэн пристально следил за его лицом.

Услышав это, Лу Чанхуа даже не разозлился. Он вдруг подался ближе и, понизив голос, точно рассказывал ребенку страшную сказку на ночь, произнес:

— Он делал это, чтобы искупить грехи.

— Искупить грехи?

— Знаешь, почему это место называется «Приют Гаоюань»? Изначально его построили для сирот, чьи родители работали в «Гаоюань Mining». Тот самый Чэнь Чжаохуэй... его родители погибли на шахте Гаоюань.

Е Фэнцю в свое время занимал руководящую должность в корпорации «Гаоюань Mining».

Гао Юйшэн мгновенно сопоставил факты:

— На шахте произошла крупная авария?

— Что именно там случилось, я не знаю, в то время я учился в другом городе. Но старик позже приходил повидаться с тобой. В год своей смерти он приходил к воротам твоей старшей школы, чтобы просто посмотреть на тебя, — рассказывая об этом, Лу Чанхуа горько и в то же время насмешливо усмехнулся.

— ... — Гао Юйшэн замер, лихорадочно роясь в памяти.

Перед глазами вдруг вспыхнуло воспоминание. Дождливый день. Он стоял на автобусной остановке, укрываясь от ливня в ожидании семейного водителя. И там был очень худой старик в защитной маске, которого он не мог забыть до сих пор.

Рубашка буквально висела на нем мешком. Гао Юйшэн, обычно избегавший общения с посторонними, в тот день почему-то перекинулся с ним парой слов. О чем они говорили, он уже не помнил, но в памяти отчетливо отпечатались последние слова старика:

— Дождь обязательно закончится, и все наладится. Тот, кто любит тебя, обязательно тебя дождет.

Из следственного изолятора Гао Юйшэн вышел сам не свой, словно призрак.

Чжай Чэнь, увидев его в таком состоянии, испугался и поспешно схватил за руку:

— Что случилось? Что с тобой?

— Он не бросал меня.

— Наш Тяньцы такой милый, ни у кого бы рука не поднялась тебя бросить, — услышав это, Чжай Чэнь тут же улыбнулся.

Гао Юйшэн спросил:

— Брат, ты всегда будешь меня ждать?

Чжай Чэнь не понял, к чему этот вопрос, но ответил твердо:

— Конечно.

— А если бы ты не смог меня найти, ты бы женился на ком-нибудь другом?

— Я вообще не собираюсь жениться. Но как это связано с тем, чтобы ждать тебя?

Гао Юйшэн притянул его к себе и крепко обнял. Уткнувшись лицом в изгиб его шеи, он жадно вдохнул его запах:

— Потому что мне мало просто твоей заботы. Я хочу тебя всего.

Я хочу тебя всего.

Всего.

Чжай Чэнь замер как вкопанный в крепких объятиях Гао Юйшэна. Он пришел в себя лишь спустя мгновение, и его сердце на секунду пропустило удар. Он никак не мог понять смысл этих слов, подозревая, что на него просто повлияли недавние разговоры с Фан Чуяном — теперь ему в каждом слове мерещилось признание в любви.

Ему хотелось спросить напрямую, но он побоялся истолковать слова превратно, поэтому лишь машинально ответил:

— Ладно. Всё, что захочешь, всё твое.

— И после этого ты просто сбежал? — Фан Чуян, грызя острую утиную шею, с недоумением посмотрел на своего друга. — Ну и слабак же ты.

— Сам ты слабак. Раз такой смелый, иди сегодня ночевать в Юйтанвань, — Чжай Чэнь запустил в него утиной костью.

Фан Чуян ловко поймал ее:

— Отвали, я его знать не знаю.

Чжай Чэнь сделал внушительный глоток пива из банки:

— Слушай, как думаешь, что он имел в виду? Может, у парня просто переходный возраст и бунт на этой почве? Не мог же он в меня влюбиться? — Он в растерянности взъерошил волосы. В конце концов, Чжай Чэнь был авторитетом пяти улиц старого района и первым красавцем восьмого отделения третьего корпуса техникума, так что неудивительно, если в него кто-то влюбится. Но чтобы Тяньцы...

— Пф-ф! — изо рта Фан Чуяна вылетела обглоданная косточка и со звонким стуком прилетела прямо Чжай Чэню в лоб.

Они сидели на балконе в полумраке, поэтому Чжай Чэнь не успел увернуться и принял удар на себя:

— Да чтоб тебя! Ну и мерзость!

— Ему уже двадцать три, какой, к черту, переходный возраст? У тебя что, мозги от импортного шоколада слиплись? — Фан Чуян сейчас горько раскаивался, что вообще полез к нему с разговорами. Теперь этот придурок сам себя накрутит.

— Я его и не ел, весь тебе отдал! — Чжай Чэнь действительно часто получал шоколад от Гао Юйшэна, который тот приносил под предлогом подарков от партнеров по бизнесу. Но сам Чжай Чэнь сладкое не любил, а Мэнмэн давать боялся, чтобы не испортить зубы, поэтому почти все перепало товарищу полицейскому Фан Чуяну, который вечно перерабатывал на службе.

— Вали отсюда, не хочу с тобой разговаривать, — видя, что тот снова несет чепуху, Фан Чуян встал, собираясь уйти, но Чжай Чэнь удержал его за руку.

— Ну постой, помоги разобраться, — взмолился Чжай Чэнь с несчастным видом. — Я ведь просто накручиваю себя, да?

В детстве Гао Юйшэну пришлось несладко, и все эти годы поиски брата были для него единственной опорой. Наверное, ему просто не хватало любви и заботы, вот он и требовал к себе повышенного внимания. Да, определенно, так оно и есть.

Фан Чуяну жутко не хотелось во все это лезть, но, глядя на этого недотепу, он испугался, как бы тот сам себя не обманул. Набрав в грудь воздуха, Фан Чуян выдал:

— Чэнь-Чэнь, братишка не просто любит тебя, он хочет тебя всего, целиком.

— Бе-е-е! — Чжай Чэнь подскочил как ошпаренный, едва не выплюнув пиво. — Жить надоело?! Ну и херня...

Он осекся на полуслове. Те же самые слова, произнесенные Фан Чуяном, из нежного лакомства мгновенно превратились в смертельный яд, от которого хотелось только закатить глаза и забиться в судорогах.

— Хе-хе, — холодно усмехнулся Фан Чуян. Забрав остатки утиных шеек, он ушел в комнату смотреть телевизор, оставив окаменевшего друга наедине со своими мыслями.

Чжай Чэнь одеревенело опустился обратно в кресло-качалку и провел ладонью от рта до самого затылка. Ну и ситуация! Пожалуй, в ближайшее время лучше пожить дома и поменьше с ним видаться. В таком возрасте легко запутаться в собственных чувствах, побудет немного на расстоянии, остынет — и все пройдет.

В это время Гао Юйшэн сидел за обеденным столом в полном одиночестве, рассеянно режа стейк. Брат явно все понял, но просто сбежал.

Он вспомнил непринужденный тон и естественное выражение лица Чжай Чэня перед уходом:

— Я сегодня переночую у себя. Мэнмэн соскучилась по второму дяде.

А Мэнмэн, которую он тащил за собой, растерянно протянула:

— А?

Гао Юйшэн поднял бокал, чокнулся с пустым бокалом напротив и медленно осушил его до дна.

Закончив с ужином, он прибрал посуду. Звон тарелок, расставляемых на сушилке, гулким эхом

разнесся по комнатам. Он впервые подумал, что этот дом слишком большой.

Он открыл дверь в мастерскую — это тесное, заставленное вещами пространство принесло ему легкое облегчение. Присев перед мольбертом, Гао Юйшэн взял кисть и принялся бережно дорабатывать незавершенную картину.

На темной ткани лежал мужчина в одной только борцовке. Натянута черная ткань очерчивала великолепный рельеф его мышц. Складка ткани прикрывала самое интимное место; одна нога была вытянута, другая — согнута в колене, обе длинные и сильные. Он казался благословением самого Творца, неописуемо прекрасным.

Портрет был практически закончен, оставалось прорисовать лишь лицо. Изначально Гао Юйшэн планировал изобразить его спящим, но теперь передумал. Ему хотелось, чтобы человек на картине открыл глаза и прямо, отчетливо посмотрел на него.

Точными, уверенными мазками он нанес последние штрихи: один глаз прикрыт, другой озорно приоткрыт, а на губах здорового, естественного оттенка играет привычная для Чжай Чэня лукавая усмешка.

Гао Юйшэн впился взглядом в портрет. Его кадык дернулся. Он медленно протянул руку, но его пальцы замерли буквально в нескольких миллиметрах от холста. Краска еще не высохла, прикасаться было нельзя.

Сняв холст и отставив его просыхать, он глубоко вздохнул, взял чистый лист бумаги и быстро набросал эскиз. Автобусная остановка у ворот школы из его воспоминаний. Опирающийся на костыль старик в маске смотрел прямо на него. В уголках его глаз, покрытых сеточкой морщин, таилась улыбка, а в старых, уставших глазах светилась отеческая нежность.

— Пусть будет так, — прошептал Гао Юйшэн себе под нос. Он бросил еще один взгляд на сохнущую картину и вышел из мастерской.

Лежа в просторной постели, он ворочался с боку на бок, никак не в силах уснуть. То кровать казалась слишком огромной, то одеяло — слишком холодным. Куда ни протяни руку — всюду была лишь леденящая пустота, от которой казалось, что он и сам вот-вот растворится в ней.

— Сири, я не могу уснуть, — давно не общавшийся с голосовым помощником генеральный директор Гао наконец вспомнил о своем старом приятеле.

На экране смартфона появился значок микрофона, и раздался монотонный механический голос:

— Хотите, я спою вам колыбельную?

И, не дожидаясь ответа хозяина, программа запела:

— Свети, свети, звездочка, всё небо в маленьких звездах...

Гао Юйшэн холодно произнес:

— Пока.

Ограниченная рамками системы Сири тут же оборвала песню, вежливо ответила: «До свидания» — и отключилась. В комнате снова воцарилась тишина. После этой колыбельной

спать расхотелось окончательно.

<http://bllate.org/book/18293/1757280>